

Диника Деми

Ендырь

Диника Деми

Ендырь

«Автор»

2026

Деми Д.

Ендырь / Д. Деми — «Автор», 2026

Он умеет читать твои мысли и знает твою самую заветную мечту. Александр получил этот дар вместе с синим блокнотом в детстве. Но за каждое желание нужно платить: он разрушает чужие мечты, чтобы исполнить свои. Теперь он — заместитель губернатора, холодный и расчетливый Алекс Кутс. Ему осталось загадать последнее желание: бессмертие. Цена? Жизнь его нерожденного ребенка и отказ от материнства женщины, которая будет носить его ребенка под сердцем. Но что, если расчетливый «монстр» впервые в жизни влюбляется по-настоящему? Чем придется платить теперь, когда договор с Ендырем подписан кровью? Найдет ли Алекс третий путь или потеряет все?

© Деми Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Диника Деми

Ендырь

Пролог

Стрелка на спидометре показывала сто сорок. Дорога была под колёсами, как раненый зверь. За окном мелькали фонарные столбы — белые вспышки, один за другим, будто кто-то отсчитывал секунды до конца.

Алекс не управлял машиной. Руль вращался сам. Плавно, уверенно, как будто за ним стоял кто-то, кто давно привык вести чужие руки. Он пытался снизить скорость, но машина не подчинялась.

— Хорошая скорость, — раздалось с заднего сидения. Голос был скрипучим, как ржавые петли. — Я люблю, когда быстро. Страх. О, это самое сладкое чувство человека, оно делает вас такими покладистыми.

Алекс смотрел прямо перед собой. Он не оборачивался. Он знал, кто там. Ендырь.

— Отпусти руль, — глухо сказал Алекс.

— Зачем? — существо засмеялось. — Я так редко управляю машинами. Твоё тело — да, привык. Но железо слушается меня ещё лучше. Оно не сопротивляется. В отличие от тебя.

Алекс дёрнул руль на себя. Никакого эффекта. Баранка даже не дрогнула.

— Перестань, — Ендырь говорил почти ласково. — Сегодня особенный день. Сегодня я получу три души. Ты не хочешь узнать — чьи?

Вдалеке загорелся пешеходный переход. Алекс зажмурился на секунду. Открыл глаза и увидел её. Валерия сегодня должна пойти в больницу.

Она шла через дорогу — медленно, осторожно переставляя ноги. Рука лежала на небольшом животе. В другой руке она держала маленькую больничную сумку. Ее любимый голубой плащ, выбившаяся прядь волос. Валерия шла на сохранение перед родами.

Алекс узнал её за сотню метров. Узнал бы и за тысячу.

— Нет, — срывающимся голосом прошептал он.

— Да, — Ендырь подался вперёд, и в зеркале заднего вида мелькнули жёлтые глаза. — Она. И твой ребёнок в ней. И ты, когда мы врежемся. Три души в одном ударе. Ты даже не представляешь, какую цену мне за это дадут внизу, да я стану сразу вторым помощником, а не просто низшей нечести.

— Отпусти руль!

— Поздно.

Спидометр показывал сто шестьдесят. Пешеходный переход приближался. Валерия подняла голову, увидела летящую на неё машину — и замерла, как кролик перед удавом.

Алекс закричал. Не от страха, а от ярости. Он вцепился в руль обеими руками — так, что от напряжения его немного потряхивало, но он не замечал. Алекс не пытался повернуть его. Он просто рвал на себя, изо всех сил, которые в нём остались. И руль поддался на полсантиметра, но этого хватило.

Машина вильнула влево, проскочила в метре от застывшей Валерии, перелетела бордюры — и врезалась в старый тополь на скорости, которую не выдерживает ни один двигатель.

Взрыв. Стекло. Металл. Тишина, которая приходит только после грохота.

Алекс лежал на асфальте без сознания. Душа не выходила из тела, она цеплялась за жизнь, за стук сердца, за крики людей. Ендыря рядом не было, Алекс не чувствовал его. Он просто лежал и смотрел в небо, глаза не закрылись. Вокруг суматаха, топот, чьи-то руки, запах бензина и гари.

И вдруг над ним склонилась Валерия. Живая. Бледная, как бумага, с дрожащими губами и расширенными глазами.

— Держись! — кричала она кому-то за спиной. — Вызовите скорую! Сейчас, сейчас, всё будет хорошо...

Она говорила ему. Или себе. Алекс не понял. Он не смог показать ей, что слышит ее, что рад ее спасению. И приложив усилие, он выдохнул:

— Прости меня.

— Молчи, не говорите ничего, — Валерия схватила его за руку. Её пальцы были холодными. — Всё будет хорошо. Он жив! Скорую, скорее! Любимый, ты спас меня!

Алекс закрыл глаза. Он не свернул. Он просто перестал слушать Ендыря. Впервые в жизни. И когда тьма накрыла его, последнее, что он услышал, был не голос демона. А сирена скорой помощи и её шёпот:

— Держись, пожалуйста, держись...

Глава 1

Смерть бабушки стала для Александра Кутейкина самым большим горем. Нет, сначала пострадал отец. Он работал спасателем — выезжал на обрушения, землетрясения, пожары. На очередном задании его завалило бетонной плитой. Отца спасли, вытащили, выходили. Но бабушкино сердце не выдержало переживаний.

Она тихо уснула в кресле за вязанием. Там её и нашёл Александр. Ему только что исполнилось шесть лет. В руках он держал рисунок — Ендыря с жёлтыми глазами и чёрной взъерошенной шерстью. Бабушка лежала с закрытыми глазами, спицы выпали из рук, недовязанный шарф сполз на пол.

— Бабуль? — позвал он.

Она не ответила. Александр потрогал её руку. Холодную. Он не закричал. Не побежал к матери. Просто сел на пол рядом с креслом и положил голову ей на колени. И сидел так, пока мама не вернулась с работы.

День рождения был омрачен. А ещё он пошёл в первый класс, но радости от этого не испытывал. В школе с одноклассниками не задалось.

Его молчаливость и нежелание играть с другими детьми привели к нападкам. Мальчишки дразнили его «тихой» и «Кутейкин-Соплейкин». Девчонки перешёптывались за спиной. Он приходил домой, желая найти сочувствие родителей, но мама теперь работала за двоих — отец лежал в больнице, восстанавливался после травмы. Домашние дела тоже ложились на её плечи.

— Мам, меня обижают, — сказал он однажды.

— Потерпи, сынок не обращай внимание, — ответила она, не глядя на него. — Папа скоро поправится, всё наладится.

Отец добивался лечения в санатории, но ему отказали. Родители ссорились, а иногда громко. Александр не хотел слушать эти разговоры, но стены в хрущёвке были тонкими. Он понимал: спокойная жизнь ему теперь будет только сниться.

Чтобы хоть как-то отвлечься, он рисовал. Но его художества выходили страшными — чёрные существа с пустыми жёлтыми глазами, длинными пальцами и свалявшейся шерстью.

Мать не сразу обратила внимание на сына. Да и когда ей было? Она приходила с работы, готовила ужин, падала без сил. Родители заметили перемены в сыне не сразу. Первой забила тревогу школьный психолог.

— Кто это? — спросила она, указывая на существ, появившихся из-под его карандаша.

— Ендыри, — ответил Александр, не поднимая глаз. — Они скоро станут правителями страны.

Психолог вызвала родителей. Те пришли уставшие, злые друг на друга. Выслушали, кивали, обещали «заняться».

— Фантазия у ребёнка, — сказала мама по дороге домой. — После смерти бабушки разыгралась.

— Надо было к психологу раньше, — буркнул отец.

— А когда? Ты в больнице лежал, я одна крутилась.

Они снова поссорились. Александр шёл сзади и смотрел на их спины. В какой-то момент он перестал рисовать при всех. Теперь уходил в подвал.

Там пахло сыростью, мышами, а иногда отходами и газом. Сторож дядя Гриша часто забывал закрыть дверь — пил в подсобке, грешил на погоду.

Александр пробирался в дальний угол, где из вентиляционного отверстия падал слабый свет. Там на старом сене среди битых кирпичей, он раскладывал рисунки. И рисовал снова — ендырей с жёлтыми глазами, когтистыми лапами и чёрной взъерошенной шерстью.

Ему казалось, что, нарисовав такое существо, он становится сильнее. Что он может бороться с теми, кто его обижает. Иногда, когда тоска душила и хотелось плакать, он садился в комнате, доставал фотографию, где он с бабушкой — и вспоминал её руки, тёплые, пахнущие пирожками, как по праздникам они ходили в церковь, и там ему давали конфеты и печенье. Он попросил маму сходить в храм. Та только махнула рукой:

— Некогда, Саша. Потом как-нибудь.

«Потом» не наступало. Слезы катились по щекам, сердце давило камнем в груди. Он каждый раз обещал себе не плакать, но эти злополучные слёзы появлялись так быстро, что он ничего не мог с собой сделать.

— Мама, я хочу кушать, — сказал он однажды, вернувшись из школы.

Мать стояла у плиты, спешно готовила ужин.

— Сейчас, дорогой, сейчас, — ответила она, не глядя на сына, и погладила его белокурую голову. — Ну когда же ты, дорогой, научишься готовить себе хотя бы яичницу? Ведь ты уже совсем большой, осенью в школу пойдёшь уже во второй класс.

— Я уже умею, — возразил Александр и побежал в свою комнату. Он сам научился готовить яичницу, мыть посуду, убираться в комнате. Он мечтал: вот папа поправится — и всё устаканится.

Ближе к осени мама попросила его ходить в магазин — в хлебопекарню, что за рынком. Денег давала ровно на хлеб. Но по дороге он проходил мимо прилавков, где в изобилии лежали конфеты разных форм и вкусов, а рядом горы фруктов и ягод.

Он никогда не мог выкроить средства даже на один полугнилой мандарин. В тот день он шёл за хлебом и мечтал о мандарине.

Запах с прилавка манил так, что во рту собралась слюна. Александр подошёл к лотку с фруктами и поднял серые глаза на продавца. Тот не обращал на него внимания — перебирал яблоки, перетирал их, выкладывал на прилавок.

И вот когда продавец наклонился к ящику, Александр схватил мандарин. И бросился бежать. Он торопился, и, казалось, вот-вот за ним погонится продавец с огромной собакой и схватит за ногу. Но произошло другое. На повороте к дому он запнулся за бетонный выступ и упал. Руку с мандарином вытянул вперёд — опереться не получилось. Ладонь попала на острый кусок металла, торчащий из земли.

Острая боль пронзила тело — от руки до макушки и остановилась в сердце. Плакать не хотелось. Мандарин выкатился из ладони и упал в сточную яму. На левой руке зияла глубокая рана — крови не было, но порез оказался страшным.

Он встал, схватил хлеб и побежал домой. Возле квартиры из раны хлынула кровь. Пол вокруг него покрылся алыми пятнами. Мама открыла дверь и сразу стала звонить в скорую.

В больнице рану зашили. Александр никому не сказал, почему упал. Врач попался плохой — шов получился безобразным. Шрам остался на всю жизнь.

Перед первым сентября во дворе устроили праздник. Ване, мальчишке с соседнего подъезда, родители подарили велосипед с блестящими спицами, зелёной рамой и звончком на руле. Ваня сидел на нём, как король на троне. Вокруг толпились ребята, давали советы, завидовали открыто и скрыто.

Александр не хотел идти во двор. Он обиделся, мама обещала купить пломбир, но так и не принесла, сказала, что деньги не выдали. А мороженое очень хотелось. В надежде, что кто-нибудь из дворовых друзей угостит, он всё же отправился.

Прошёлся среди товарищей и знакомых — ни у кого в руках не увидел мороженого. Вдохнул, сел на лавочку у подъезда и уныло смотрел на Ваню. Тот сиял от счастья. Он-то точно добьётся своей цели, научится кататься на велосипеде в отличие от Александра.

Его серые глаза так пристально следили за счастливым обладателем нового велосипеда, что он даже почувствовал сладость этого желания. Не выдержав, он убежал в подвал.

Сторож опять забыл закрыть дверь. Александр спустился по скрипучим ступеням, прошёл в свой закуток, туда, где из вентиляции лился слабый свет. Сел на сложенные кирпичи у стены, посмотрел на рисунки. Ендыри смотрели на него со смятой бумаги. Радостный визг детей то усиливался, то затихал. И вдруг воздух стал другим. Плотным. Сладковатым.

— Хочешь пломбира в шоколаде?

Александр вздрогнул. Голос был тихим, как в пруду вода в безветренный день. Он поднял голову. Из темноты выступала фигура. Не исчадие ада, как на его рисунках. Ангел. Настоящий — с белыми крыльями, сложенными за спиной, с одеждой, струящейся, как туман. Лицо красивое — не женское и не мужское. То, на которое хочется смотреть вечно. Но что-то было не так.

Глаза ангела горели жёлтым. И мышцы на лице слегка подрагивали, как нервный тик у усталого человека.

— Кто ты? — прошептал Александр.

— Тот, кто может тебе помочь, — ангел улыбнулся. Добрые глаза. Очень добрые. — Ты хочешь пломбир?

Александр кивнул.

— Ты хочешь, чтобы у тебя было всё, чего ты лишён? Еда. Вещи. Уважение. Власть.

Александр снова кивнул. Слова «власть» он не понимал, но чувствовал, как тепло от печки в зимний день. Ангел протянул руку. В ней появился блокнот. Синий, бархатный, тяжёлый и не по-детски взрослый.

— Пиши желания, — сказал ангел. — Они будут исполняться. Но есть одно правило. Каждое желание требует платы. Ты должен разрушить чужую мечту. Забери то, что дорого другому и получишь то, что хочешь ты.

— А это не больно? — спросил Александр.

— Ты не забираешь, — ангел наклонился ближе. От него пахло ландышами. Бабушка любила ландыши. — Ты меняешь. Они всё равно не оценят то, что имеют. А ты ведь оценишь.

Ангел погладил Александра по голове. Рука была тёплой.

— Выполни условие и получишь пломбир.

И ангел исчез. Растворился в воздухе. На стене остались только рисунки — ендыри с жёлтыми глазами смотрели на него со смятой бумаги.

Александр выскочил из подвала. На лавочке у подъезда он открыл блокнот — дрожащей рукой. Страницы светились. Яркими буквами было написано то же самое, что сказал ангел.

Он захлопнул обложку и прижал блокнот к груди. Посмотрел на ребят — они не заметили, как он уходил. Ваня всё ещё крутил педали, падал, вставал, смеялся.

Желание поглотило всё доброе. Тёмная уверенность забрать радость у Ивана, разрасталась в сердце Александра. Мысли бешено металась в голове. На мгновение в глазах вспыхнули красные язычки.

Он встал. Сделал несколько шагов к Ване. Мысленно повторял: «Отдай мне твою мечту. Ты и так счастливый». Возле велосипеда собрались друзья и зеваки. Ваня сидел на подарок родителей. Филька поддерживал его и толкал, когда тот трогался с места. Друзья гурьбой бежали следом, визжали от восторга.

В этот раз что-то пошло не так. Ваня сел на железного коня. Филька толкнул. Колесо вывернулось. Ваня упал, потом заплакал и не смог встать на ногу.

У Александра вспотели руки. Мысли улеглись. Внутри, там, в сердце, осталась приятная возбуждённость. Вокруг крик. Дети побежали по домам. Родители Вани спустились во двор. Приехала скорая. Когда всё утихло, вернулся отец Александра.

— Держи, — сказал он, бросая на стол белую картонную коробку. — Зарплату дали. Пломбир в шоколаде, ты любишь, я купил.

Александр развернул обёртку. Мороженое было холодным, сладким, таяло на языке, как обещание. Он съел его медленно, ложка за ложкой. И всё время смотрел на синий бархатный блокнот, который лежал рядом на стуле. Родители не спросили, откуда он взялся, не заглянул внутрь, будто не видели этот бесценный предмет.

Никто не знал, что этой ночью, лёжа в кровати, Александр снова открыл его и написал второе желание. Ангел сказал, можно всё.

Глава 2

Блокнот не выходил у него из головы. Александр носил его в рюкзаке, прижимал к груди, когда шёл в школу, клал под подушку на ночь. Бархатная обложка была тёплой, как живая. Иногда ему казалось, что блокнот дышит.

Первые дни он боялся его открывать. Вдруг буквы исчезли? Вдруг ангел передумал?

Но на третью ночь он всё же открыл. Страницы светились. Первое желание — про Ванькин велосипед — было записано яркими, горячими чернилами. Чуть ниже появилась новая строка:

«Желание исполнено. Пломбир получен».

Александр провёл пальцем по буквам. Они не смазались.

Он закрыл блокнот, положил под подушку и долго не мог уснуть. В голове крутились мысли: что написать следующим? Чего он хочет?

Он хотел многого. Но больше всего — чтобы его перестали обижать в школе.

В школе ничего не изменилось. На переменах мальчишки по-прежнему дразнили его «Кутейкиным-сыроежкиным». Толкали в коридоре, прятали портфель, смеялись, когда он искал его по всему этажу.

Однажды после урока физкультуры кто-то вылил ему в сменную обувь воду из-под крана.

— Ой, Кутейкин, у тебя ноги мокрые? — заржал Пашка Морозов, главный задира класса. — А ты не ходи в обуви, босиком веселее.

Александр молча выжал носки, надел сырые ботинки и пошёл домой. В тот вечер он достал блокнот. Ручка дрожала в пальцах. Он написал:

«Хочу, чтобы Пашка Морозов больше никогда меня не трогал. И чтобы никто не смеялся».

Закончил, закрыл. Ждал. Ничего не произошло.

Он открыл блокнот снова. Буквы потускнели, стали серыми, почти невидимыми. А внизу мелкими буквами, как примечание на полях, появилось:

«Желание нечёткое. Нет конкретной мечты для разрушения. Переформулируй».

Александр нахмурился. Он думал до полуночи. Потом перечитал запись и понял: он написал про себя. А надо писать про другого. Надо, чтобы кто-то потерял мечту.

На следующий день он подошёл к Пашке на перемене.

— У тебя есть мечта? — спросил Александр.

Пашка удивился. Потом усмехнулся:

— Хочу собаку. Овчарку. Отец обещал, если закончу четверть без троек.

— А у тебя тройки есть?

— Одна по математике, — Пашка скосил глаза. — А тебе-то что?

Александр ничего не ответил. Отошёл в сторону. В тот же день он попросил учительницу по математике позаниматься с ним после уроков. Она удивилась — Кутейкин всегда был молчаливым, но неглупым.

— Хочешь подтянуть знания? — спросила она.

— Да, — сказал Александр. — Очень хочу.

Он занимался две недели. Решал примеры за третьим, четвёртым, пятым классом. Учительница хвалила его способности. А он ждал. Контрольную по математике Пашка написал на двойку.

— Как так? — растерялся он. — Я же готовился.

— Готовился, но не выучил, — пожал плечами учительница. — Придётся пересдавать.

Пересдача была через неделю. Александр занимался с учительницей каждый день. Пашка — нет. На пересдаче Пашка снова получил двойку.

— В следующей четверти исправишь, — сказал отец, когда Пашка принёс дневник. — Собаку — потом.

Пашка плакал в тот вечер. Александр сидел в своей комнате, смотрел на блокнот и ждал. Ничего не происходило. Он открыл блокнот — последняя запись всё ещё была серой.

И вдруг понял. Он не разрушил мечту Пашки. Он просто отсрочил её. Пашка всё ещё хотел собаку. Через четверть или год, но хотел. Этого было мало.

Вечером он снова открыл блокнот. Перечитал все записи. Первая — про Ванькин велосипед — была яркой, жирной, исполненной. Вторая — про Пашку — тусклой, недоделанной.

Александр взял ручку. Он думал о Пашке. О том, как тот толкает его в спину. О том, как смеялся над его одеждой, вылил воду в ботинки.

Потом подумал о собаке. Как Пашка ждёт её. Как ему обещал отец. Как он, наверное, уже придумал кличку. И написал:

«Хочу, чтобы отец Пашки Морозова никогда не купил ему собаку. Никогда. Чтобы Пашка потерял эту мечту навсегда».

Чернила загорелись ярким светом. Блокнот нагрелся в руках. Александр закрыл его и лёг спать.

Через три дня Пашка пришёл в школу с красными глазами.

— Чего с тобой? — спросил кто-то.

— Отец сказал, — Пашка шмыгнул носом, — что у нас денег нет. Что собака — это дорого. Что он зря обещал.

Он отвернулся к окну и больше ни с кем не разговаривал в тот день. Александр смотрел на него из-за парты. Внутри было пусто. Ни радости, ни вины. Только холодное, ровное спокойствие.

Он достал блокнот из рюкзака. Второе желание горело ровным, уверенным светом. Внизу появилась надпись:

«Желание исполнено. Мечта разрушена».

В тот вечер он написал третье желание. О том, чтобы у него появились новые цветные карандаши — двадцать четыре цвета, в деревянной коробке, как у Ленки из параллельного класса. Ангел приходил к нему этой ночью.

Александр проснулся от запаха ландышей. Ангел стоял у окна. Белые крылья тускло светились в темноте. Глаза — жёлтые, немигающие — смотрели прямо на него.

— Ты быстро учишься, — сказал ангел. Его голос звучал тихо, но каждое слово отдавалось в висках. — Я думал, тебе понадобится больше времени.

— Я понял, как это работает, — ответил Александр, садясь на кровати. — Нужно бить точно в цель. Не в человека — в его мечту.

— Умный мальчик, — ангел улыбнулся. Мышцы на лице дёрнулись — тот самый нервный тик, который Александр заметил в подвале. — Но есть кое-что, чего ты ещё не знаешь.

— Что?

— У каждого желания есть цена. Не только для того, кто теряет мечту. Но и для тебя.

Александр нахмурился:

— Какая цена?

— Пока маленькая, — ангел подошёл ближе. — Головная боль. Усталость. Ты будешь чувствовать себя разбитым после каждого исполненного желания. Чем сильнее желание — тем сильнее плата.

— Я справлюсь, — сказал Александр.

— Знаю, — ангел положил руку ему на голову. Ладонь была тёплой. — Ты сильный. Поэтому я выбрал тебя.

— А если я захочу отменить желание? — спросил Александр. — Или перестать?

Ангел замер. Улыбка исчезла.

— Не захочется, — сказал он тихо. И добавил, уже мягче: — Спи. Завтра тебя ждёт подарок.

Утром на столе лежала деревянная коробка. Двадцать четыре цветных карандаша. Новые, наточенные, пахнувшие деревом и краской. Мама сказала, что их принёс отец — с зарплаты.

Александр не спросил, откуда отец узнал, что ему нужны карандаши. Он сел рисовать. Ендыри получались особенно страшными сегодня.

Шрам на левой руке ныл по ночам. Врач в больнице зашил рану плохо. Шов получился безобразным — кривым, грубым, с выступающими краями. Мама говорила, что со временем сгладится. Но время не помогало. Шрам чесался. Болел. Напоминал о себе.

Александр ненавидел его. Ненавидел продавца, который не смотрел на него и бетонный выступ, о который он споткнулся. Ненавидел ржавый металл, который распорол ему руку.

Но больше всего он ненавидел врача, который взял в руки иглу.

— Шрамик останется, — равнодушно сказал тот маме. — Ничего страшного, мальчик же.

Александр было девять. Он запомнил лицо врача круглое, с маленькими глазами и редкими рыжими усами. Фамилию он узнал по табличке на двери: доктор Смолин, хирург, детское отделение.

Он открыл блокнот в тот же вечер. Долго думал. Потом написал:

«Хочу, чтобы доктор Смолин больше никогда не мог работать врачом. Чтобы он потерял свою профессию. Навсегда».

Блокнот засветился ярче обычного. Александр закрыл его и лёг спать. Впервые он не боялся головной боли. Он хотел этой платы.

Через две недели мама вернулась с работы позже обычного.

— Ты знаешь того врача, который тебе руку зашивал? — спросила она, раздеваясь в коридоре.

— Доктора Смолина? — спросил Александр, не поднимая глаз от рисунка.

— Да. Его уволили. Говорят, на операции ошибся. Ребёнка не спасли.

Александр поднял голову:

— А что будет с ним?

— Не знаю, — мама вздохнула. — Лицензию, наверное, отзовут. Больше не сможет работать врачом. Поделом, конечно, но всё равно жалко. У него же семья, дети.

— Жалко, — повторил Александр.

Он не чувствовал жалости. Он ощущал холодную, чистую, как зимнее небо, удовлетворённость. Блокнот снова сработал. Третье желание исполнилось.

Голова разболелась только под утро. Так, сильно, что он не мог спать. Лежал с закрытыми глазами, прижимал ладони к вискам и терпел.

Ангел не приходил, но Александр знал — он где-то рядом. Смотрит. Улыбается. Ждёт следующего желания. И Александр напишет его. Обязательно напишет.

Глава 3

Блокнот больше не пугал его. Александр — теперь он просил называть себя Алексом, коротко и твёрдо, как отрезал — держал его в рюкзаке, рядом с учебниками. Бархатная обложка потёрлась по краям, но страницы по-прежнему светились, стоило открыть.

Шли годы. Желания становились сложнее. Мельче? Нет. Точно не мельче. Просто другими.

В пятнадцать он пожелал, чтобы одноклассник, который смеялся над его старой курткой, потерял новый телефон. Телефон украли в тот же день. Алекс купил себе джинсы.

В шестнадцать он пожелал, чтобы учительница по литературе перестала вызывать его к доске. Учительница сорвала голос на следующем уроке и месяц не спрашивала никого. Алекс спокойно сидел на последней парте и читал.

В семнадцать он пожелал, чтобы девочка из параллельного класса — та, с длинными волосами и ямочками на щеках — согласилась переспать. Она согласилась. Подошла после уроков. Спросила, как его зовут.

— Алекс, — ответил он.

— А я думала, ты Александр.

— Александр — это для родственников. Для всех остальных — Алекс.

Он отвел ее в сторону и предложил покувыркаться. На что она быстро согласилась, но ему почему-то стало это не интересно. Он ее высмеял и больше не общался. Желание исполнилось, но он сам не принял это.

Голова болела всегда. После каждого желания — от тупой, ноющей до острой, как удар ножом. Он привык. Научился пить таблетки горстями. Носил их в кармане куртки, как раньше носил рисунки.

Рисовать он больше не рисовал. Ендыри остались в детстве. Иногда, правда, в отражении тёмного окна или в тени на стене ему мерещились жёлтые глаза. Но он отводил взгляд, и все исчезало.

Выпускной класс. Все вокруг суетились, боялись экзаменов, спрашивали друг у друга, кто куда поступает.

Алекс знал, куда он пойдёт. Управление государственным и муниципальным сектором. Престижный вуз. Бюджет. Мест — пять на весь поток. Конкурс — как в космос.

Он открыл блокнот в тот же вечер, когда раздал заявления.

«Хочу поступить на бюджет и специальность Управление государственным и муниципальным сектором».

Написал. Закрыл. Открыл снова. Блокнот молчал минуту, две. Потом буквы поплыли, сложились в новые слова. Условие.

«Рядом с тобой учится девушка. Её зовут Лена Соболева. Она готовится к поступлению два года. Репетиторы, курсы, ночи без сна. Её мечта — стать лучшей в потоке. Ты второй в списке. Она — первая. Разрушь её мечту — и займёшь её место».

Алекс перечитал три раза. Лену Соболеву он знал. Тихая, незаметная, всегда с книгой. В школе её называли «ботанкой». Она не обижалась. У неё была цель.

— Как? — спросил Алекс у блокнота. — Как разрушить её мечту?

Страницы потемнели. Потом сложились в новую подсказку:

«У неё есть слабость — младший брат. Он болен. Не смертельно, но серьёзно. Если она выберет семью, а не учёбу — она откажется сама. Добровольно. Навсегда».

Алекс закрыл блокнот.

Экзамены прошли как в тумане. Алекс сдал хорошо. Лена — лучше. Её баллы были выше на двенадцать. Она прошла по конкурсу. Алекс — второй в списке ожидания.

Он не волновался. Он открыл блокнот. Нужно было сделать так, чтобы Лена выбрала брата.

Алекс использовал маленькое желание — узнать телефон нужного человека в больнице. Ещё одно — чтобы ему поверили. Головная боль накатывала волнами, но он терпел.

Через знакомого администратора он организовал звонок Лениной матери. Женщине сообщили, что у сына — редкое заболевание, которое требует срочной операции по пересадке костной ткани за границей. Без неё — летальный исход. Но есть вариант: клиника в Германии берётся лечить бесплатно, если семья согласится на переезд. Донор именно Лена. Откладывать нельзя, решать нужно сейчас, места ограничены.

Ленина мать плакала три дня. Лена не спала ночами. На четвёртый день она пришла в школу и написала заявление об отказе от бюджетного места.

— Я не могу бросить брата, — сказала она классной руководительнице. — Учёба подождёт. А он — нет.

Она уехала через неделю. В Германию. С родителями и братом. Через месяц Алекс узнал, что никакой операции не требовалось. Брата просто положили в больницу на обследование. Он был здоров.

Лена писала подруге: «Мы зря уехали. Врачи сказали, что диагноз не подтвердился. Но мы уже здесь. Отец нашёл работу. Обратного не вернёмся».

Алекс сидел в своей комнате, смотрел на список зачисленных на сайте вуза — его фамилия теперь была на первом месте — и чувствовал ничего, ни радости, ни вины. Только холодное, ровное спокойствие.

Она выбрала сама. Никто не заставлял. Голова разболелась ночью. Так, сильно, что он не мог спать. Лежал с закрытыми глазами, прижимал ладони к вискам и терпел. Таблетки не помогали два дня, но он поступил.

Алекс вцепился в подлокотники кресла. Это был не ангел. Крылья — да, были. Но не белые. Блёклые, серые, кое-где с вылезшей шерстью. Лицо — тоже, но искажённое. Мышцы дёргались. Глаза горели жёлтым — ярко, как фары встречного поезда. От одежды пахло гарью.

— Ты — начал Алекс, голос сел.

— Я, — существо улыбнулось. Зубы были острыми, а изо рта пахло гнилью. — Тот, кто дал тебе блокнот. И кто исполнял твои желания. Ты думал, я ангел?

Алекс молчал.

— Ангелы, — существо клацнуло зубами, — не дарят блокнотов девятилетним мальчикам в подвалах. Ангелы не помогают красть чужие мечты.

— Кто ты? — выдавил Алекс.

— Я тот, кто делает тебя сильным. Тот, кто даёт тебе то, чего ты хочешь. Но ты уже понял, наверное — просто так ничего не приходит. Кого ты рисовал!

— Я плачу головной болью, — сказал Алекс.

Существо засмеялось. Звук был похож на треск горячей бумаги.

— Головная боль — это цветочки. Ты думаешь, это плата? Нет. Это просто побочный эффект. Как жар при болезни. Сама болезнь — не в голове.

— А где?

Существо шагнуло ближе. Запах серы ударил в нос.

— Ты меняешься, Алекс. Каждое желание, каждая разрушенная мечта меняет тебя. Ты становишься холоднее. Расчётливее. Ты думаешь, что просто добиваешься своего. А на самом деле — ты учишься не чувствовать. И однажды оглянешься и поймёшь, что людей вокруг больше нет. Есть только цели и препятствия.

— Это плата? — удивился Алекс. — Стать сильнее?

— Это не плата, — существо наклонилось к самому его лицу. — Это **цена**. Плату я назначаю. Цену ты выбираешь сам. Каждый раз, когда открываешь блокнот.

Ендырь выпрямился.

— Хочешь остановиться, остановись. Блокнот не прикован к твоей руке. Но скажи честно — ты остановишься?

Алекс молчал. Существо улыбнулось серыми зубами и исчезло. Тень растаяла. Запах серы выветрился. Он сидел не двигаясь. Потом медленно закрыл блокнот. Он не спал всю ночь. Но наутро он снова открыл блокнот.

Годы в институте пролетели быстро. Алекс учился хорошо — не благодаря блокноту, а вопреки. Он был умён, цепок, умел нравиться нужным людям. Блокнот использовал редко — только когда нужно было решить что-то по-настоящему сложное.

Хорошие оценки. Расположение преподавателей. Нужные связи. Каждое желание отдавалось головной болью — сильнее, чем раньше. Иногда он не мог встать с кровати по два дня, но он терпел. Привык.

Он окончил институт с отличием. Получил распределение в городскую администрацию. В дипломе было написано: «Александр Кутейкин». Но на первой же работе он представился по-другому.

— Алекс Кутс, — протягивая диплом начальнику отдела кадров, произнес твердо он. — Можно просто Алекс.

— А фамилия? — удивилась женщина.

— Кутс, — повторил он твёрдо. — Так будет удобнее.

Кутейкин остался в детстве. Вместе с рисунками, бабушкиными пирожками и подвалом, где пахло мышами и ландышами. Теперь он был Алекс Кутс. Новое имя, жизнь и старый блокнот.

Он пришёл к родителям через год после начала работы. Мать встретила его на пороге — постаревшая, серая, с руками, которые вечно пахли мылом и капустой. Отец сидел в кресле у телевизора. После травмы он так и не восстановился. Ходил с палкой, работал сторожем на полставки.

— Саша, — мать попыталась обнять его. — Сашенька, как вырос-то.

— Алекс, — поправил он, не отстраняясь, но и не отвечая на объятия. — Меня зовут Алекс.

— Ну Алекс, — мать растерянно улыбнулась. — Проходи, мы так рады.

Отец с трудом поднялся с кресла.

— Сын, — сказал он, голос был хриплым, старым. — Сын, нам нужно поговорить.

Они сели на кухне. Мать налила чай — в те же треснутые кружки, что и десять лет назад. Алекс смотрел на них и чувствовал себя чужим.

— Помоги, — попросил отец. — Деньгами или связями. Лечение нужно, в санаторий хочу попасть. Да и на работу бы какую легче Ты теперь в администрации, у тебя знакомства.

Алекс молчал.

— Сын, — мать положила руку на его ладонь. — Мы не просили никогда, но тяжело нам.

Он убрал руку.

— Нет, — сказал он.

— Что? — не понял отец.

— Я сказал — нет. Денег не дам. Связей не использую. Сами справлялись — сами и дальше справляйтесь.

Отец побагровел.

— Ты что, с ума сошёл? Мы твои родители. Мы тебя растили, кормили, одевали...

— Одевали? — Алекс криво усмехнулся. — Чужую дублёнку с оторванной пуговицей — это вы называете «одевали»?

— Саша, ну зачем ты так... — Мать заплакала.

— Алекс, — отрезал он. — И я так, потому что это правда. Я вырос. Я сам сделал себя. Без вас. А вы... вы остались там. В прошлом.

Отец встал. Палка дрожала в его руке.

— Ты стал другим, — медленно произнес он глухо. — Я не знаю, что с тобой случилось, но человек из тебя вышел... недоделанный. Жизнь, сын, сложная штука. Нужно быть человечным. Иначе под конец жизни некому будет даже стакан воды подать.

Алекс посмотрел на отца. Сверху вниз. Холодно. Спокойно.

— Я не собираюсь стареть, отец, — сказал он. — И стакан воды мне не понадобится. Я буду жить долго и счастливо. У меня есть власть. А власть — это лучшее лекарство от смерти.

Он встал, надел куртку.

— Не провожайте.

Мать всхлипывала за спиной. Отец молчал. Алекс вышел на лестничную клетку. Дверь за ним захлопнулась. Он остановился на площадке. Достал из кармана блокнот. Синяя бархатная обложка блеснула в тусклом свете лампы.

Он провёл пальцем по потёртому краю. Внутри что-то шевельнулось — то ли голод, то ли предвкушение. Алекс улыбнулся и убрал блокнот.

Внизу шумел город. Сотни тысяч людей, которые не знали, что один из них держит в кармане силу, способную перекроить судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.